

На правах рукописи

ЧАИРКИНА НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА

**ТОРФЯНИКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗАУРАЛЬЯ:
АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена в отделе археологии и этнографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН).

Научный консультант – доктор исторических наук, профессор, академик РАН
Молодин Вячеслав Иванович.

Официальные оппоненты:

Дэвлет Екатерина Георгиевна, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, ученый секретарь;

Короцкова Ольга Николаевна, доктор исторических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», доцент кафедры археологии и этнологии;

Павлов Павел Юрьевич, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник отдела археологии.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия».

Защита диссертации состоится 26 октября 2015 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конф.-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и официальном сайте Института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан « ____ » июля 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

С.В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость исследования. Современный уровень археологических исследований предполагает комплексный подход в изучении культуры, системы жизнедеятельности и среды обитания древних социумов. Такие реконструкции, как правило, осложнены фрагментарностью источниковой базы, которой оперирует исследователь. Торфяниковые памятники обладают рядом преимуществ по сравнению с другими категориями археологических источников и являются актуальными объектами исследования.

Зауралье – низкогорный регион, в котором специфика осадконакопления и почвообразования в конце плейстоцена и в голоцене привела к преобладанию нестратифицированных археологических комплексов с не всегда надежным материалом для комплексных реконструкций. Это затрудняет определение времени появления и существования культур эпохи мезолита – железного века, препятствует их синхронизации с материалами сопредельных территорий и пониманию культурно-генетических процессов, происходивших в регионе в этот период.

В отличие от комплексов, располагающихся на минеральных почвах, торфомассивы содержат полные разрезы осадконакопления всех периодов голоцена, позволяют с большей степенью надежности использовать методы естественных наук в палеогеографических реконструкциях. Культурные слои торфяниковых памятников, как правило, хорошо стратифицированы, что дает возможность рассматривать внутреннюю периодизацию археологических эпох и отдельных хронологических периодов.

На торфяниковых памятниках разных регионов мира обнаружены бытовые вещи, орудия охоты, рыболовства и земледелия, жилые и промысловые постройки, произведения искусства, выполненные из органических материалов, не сохраняющиеся в культурных слоях иных археологических объектов. Специфика и колорит зауральских памятников, определяющие их особый статус, заключаются в наличии здесь культовых объектов с комплексом деревянных построек, сопровождаемых зоооморфной, орнитоморфной и антропоморфной скульптурой.

Актуальность предлагаемого исследования заключается в анализе и ретроспективной реконструкции природной среды, хозяйственных структур и культовой практики древних социумов, в определении хронологии и периодизации археологических культур и типов памятников эпохи мезолита – позднего бронзового века Зауралья.

В последние годы за рубежом прогрессируют технологии полевых и лабораторных исследований торфяниковых памятников, создаются

крупные научно-исследовательские проекты по их комплексному изучению. В России пока нет обобщающих трудов по торфяниковым памятникам отдельных регионов и России в целом, немногочисленны работы, посвященные типологии различных категорий органических артефактов, произведениям искусства и т.д. В предлагаемом исследовании приведен обзор наиболее известных объектов этого типа в Восточной и Западной Европе.

Таким образом, актуальность темы исследования определена спецификой, важностью и уникальностью рассматриваемых источников. Выбор темы обусловлен участием автора в многочисленных полевых экспедиционных работах, в ходе которых отрабатывалась методика их поиска и изучения, результатом чего стало открытие и комплексное исследование новых торфяниковых памятников Зауралья.

Объектом исследования являются торфяниковые памятники – особый тип источников, располагающихся в болотах или торфяных залежах, своеобразие которых заключается в способности торфа и сфагнона консервировать органические остатки. Они являются не только археологическими, но и естественно-природными объектами, условия и время формирования которых определены физико-географическими и природно-климатическими особенностями того или иного региона. Такие памятники формировались в разные периоды голоцена, когда складывались благоприятные условия для заболачивания озер и прибрежных участков поселений, консервации их культурных слоев.

Предметом исследования является реконструкция культуры, среды обитания и системы жизнеобеспечения населения Зауралья эпохи мезолита – позднего бронзового века.

Цель исследования состоит в определении специфики, анализе и интерпретации материалов торфяниковых памятников. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- систематика всего корпуса источников и характеристика основных признаков торфяниковых памятников Зауралья;
- определение хронологии и периодизации археологических культур эпохи мезолита – позднего бронзового века Зауралья;
- определение функционального назначения торфяниковых объектов;
- выявление хозяйственных структур и культовой практики древних социумов;
- реконструкция динамики палеоклиматических изменений голоцена, исследование ландшафта и окружающей среды;

– выявление пространственной локализации, системы расселения и вариативности моделей адаптации социумов к изменениям природной среды;

– корреляция выявленных структур и явлений с материалами торфяниковых памятников Восточной и Западной Европы.

Территориальные рамки работы определяются расположением объектов исследования на восточном склоне Урала, в пределах двух физико-географических стран – Уральской горной и Западно-Сибирской равнинной. Эта территория занимает несколько природно-климатических зон со специфическим рельефом, геологией и гидрографией. Большая протяженность Зауралья в меридиональном направлении, различия в высотных отметках являются причиной разнообразия климатических условий, определяющих особенности и возраст болото- и торфообразования в северных и южных, горных и равнинных районах.

На этой территории в настоящее время выявлено и частично исследовано более 60 торфяниковых памятников. Их распределение здесь неравномерно, что обусловлено как разной степенью археологической исследованности региона, так и спецификой, возрастом болотообразовательных процессов в различных частях этой территории.

В юго-западной части Зауралья, на озере Половинном, расположенном на возвышенном плато с холмисто-равнинным и горно-холмистым рельефом с неблагоприятными условиями для торфообразования, обнаружено четыре торфяниковых памятника. На восточном склоне Уральского хребта в пределах подгорной равнины, в области увалисто-холмистого и плоскоравнинного рельефа, благоприятного для болотообразования, найдено 48 торфяниковых памятников на озерах Шувакиш, Вашты, Ельничном и Мелком; на Шигирском, Горбуновском, Карасьезерском и Кокшаровском торфяниках. Археологические исследования проведены в заторфованной части 19 памятников.

В юго-восточной части Зауралья, на возвышенном участке Западно-Сибирской равнины, где на озере Молтаево обнаружен один археологический памятник, условия для накопления торфа не благоприятны. В бассейне р. Конды ХМАО–Югры – обширной аллювиальной равнине, заболоченность которой очень высока, найдено 12 торфяниковых памятников.

Хронологические рамки работы очерчены временем бытования торфяниковых памятников Зауралья – эпохой мезолита – позднего бронзового века, около 9 300–1 300 гг. до н.э. Культурные слои раннего железного века в исследованных памятниках немногочисленны и слабо информативны.

Методологической основой работы является комплексный подход, определяемый спецификой торфяниковых памятников. Он обеспечивается интегрированием разнообразных методов исследования: общенаучных (анализ и синтез, конкретно-исторический и сравнительно-исторический); традиционных археологических (формализованное систематическое описание, стратиграфический, сравнительно- и технико-типологический, метод аналогий и ретроспективного анализа); естественнонаучных (геолого-геоморфологический, палинологический и карпологический, дендрохронологический, археозоологический, радиоуглеродный, в том числе AMS метод датирования).

Защищаемые положения.

1. Условия и время формирования торфяниковых памятников определены физико-географическими особенностями разных регионов мира, обусловлены изменениями природно-климатических условий голоцена, связаны с процессами болото- и торфообразования.

2. Торфяниковые памятники России представлены стоянками и поселениями, в том числе свайными, локализующимися в некоторых районах, и немногочисленными культовыми местами. Функциональная специфика этих объектов, бытовавших в эпоху мезолита – железного века в Западной Европе, более разнообразна – стоянки и свайные поселения (lake-dwelling), дороги (trackways), жертвенные места и погребения в болотах (bog bodies).

3. Источниковедческие и интерпретационные возможности торфяниковых памятников Зауралья неравнозначны. Они являются комплексным источником для определения хронологии археологических культур, реконструкции хозяйственных структур и культовой практики; в исследовании окружающей среды и выявлении вариативности моделей адаптации социумов к изменениям природной среды голоцена. Их интерпретационные возможности в реконструкции и определении динамики каменных индустрий, керамического производства и, как следствие, культурно-генетических процессов ограничены, что обусловлено немногочисленностью этих категорий артефактов в культурных слоях функционально специфичных торфяниковых памятников.

4. Культурные слои эпохи мезолита отложились в пребореальный и бореальный период, около 9 300–6 800 гг. до н.э.; неолита – в атлантический период, около 6 200–3800 гг. до н.э. Небольшое количество исследованных торфяниковых памятников этого времени, их функциональная специфика и явная недостаточность материалов на сегодняшний момент дают немного оснований для определения динамики каменной и костяной индустрий, керамического производства и хозяйственных

структур социума. Источниками по реконструкции мировоззренческих представлений населения Зауралья этого времени являются гравированные предметы из кости и рога, деревянная антропоморфная скульптура – Большой Шигирский идол.

5. Культурные слои эпохи раннего металла обнаружены практически на всех памятниках, отложились в конце атлантического – начале суббореального периода, около 4 000–2 500 гг. до н.э. Материалы торфяниковых памятников этого времени дают многочисленные основания для реконструкции природной среды и вариативности моделей освоения вмещающего ландшафта древними социумами; хозяйственных структур и мировоззренческих представлений, находящих большое количество аналогий в хозяйственной и мифо-ритуальной практике обских ургов.

6. Культурные слои раннего бронзового века отложились в начале суббореального периода, в интервале 2 570–1 970 гг. до н.э. Они содержат керамику, изделия из камня, металла и органических материалов, культовые и производственные сооружения, являющиеся комплексным источником для реконструкции хозяйственных структур, культовой практики и среды обитания древних социумов.

Культурные слои позднего бронзового века представлены на нескольких торфяниковых памятниках Зауралья, отложились в суббореальный период, в интервале 1500–1 300 гг. до н.э. Археологический комплекс включает отходы деревообработки, изделия из камня и кости животных, керамику; производственные и культовые сооружения. Культурные слои заключительного этапа бронзового и раннего железного века Зауралья слабо насыщены и малоинформативны для комплексных реконструкций.

7. На территории Восточной Европы обнаружено большое количество торфяниковых памятников эпохи мезолита – раннего металла, содержащих разнообразный ассортимент бытовых предметов и изделий, связанных с ритуальной практикой, выполненных из камня, глины, органических материалов. В бронзовом веке нарастающие процессы заболачивания, изменение системы освоения и использования вмещающего ландшафта приводят к резкому сокращению торфяниковых стоянок и поселений. Немногочисленные материалы железного века фиксируются лишь на отдельных памятниках.

8. Гибкие системы адаптации и освоения вмещающего ландшафта, обусловленные во многом культурными традициями строительства свайных построек, фиксируются у населения Западной Европы. Наряду с ними, по крайней мере с эпохи неолита, существовали разные формы освоения и поклонения болотам и торфяникам, бытовавшие на протяжении

нескольких тысячелетий и отразившиеся в мифологии многих европейских народов.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно является первым в отечественной и зарубежной археологии обобщающим трудом, посвященным уникальным природно-археологическим источникам. Приведен детальный анализ всех известных и введены в научный оборот материалы новых торфяниковых памятников Зауралья. Определены культурно-хронологические позиции ряда артефактов, полученных в XIX – первой половине XX вв., чей археологический контекст не был известен.

Обобщены результаты радиоуглеродного, в том числе AMS метода датирования, определено время бытования отдельных категорий вещей, типов памятников и археологических культур региона эпохи мезолита – позднего бронзового века.

На основе исследования многочисленного и разностороннего археологического материала – изделий из камня, глины, органики и металла – выявлены устойчивые, сохранявшиеся на протяжении нескольких тысячелетий, особенности производства орудий охоты и рыболовства, бытового инвентаря; проведены ретроспективные реконструкции хозяйственных структур и производственной практики населения Зауралья эпохи мезолита – позднего бронзового века. Рассмотрены некоторые аспекты мировоззренческих представлений древних социумов.

На основе комплексных исследований торфяниковых памятников Зауралья методами естественных наук определены факторы, условия и время их формирования и функционирования. Высказаны предположения о вариативности моделей адаптации социумов к изменениям природной среды голоцена. Впервые приведен обзор торфяниковых памятников Восточной Европы, рассмотрены свайные поселения, культовые места и погребения в болотах Западной Европы.

Источниковая база диссертации. Источниками работы являются материалы более 60 торфяниковых памятников эпохи мезолита – позднего бронзового века Зауралья, научный потенциал и информационные возможности которых не равнозначны. На значительной их части проведены только разведочные работы, другие – исследовались в XIX – середине XX вв. в традициях описательного подхода и не полной фиксации. Поэтому в предлагаемой работе акцентировано внимание на материалах памятников, раскопанных с использованием междисциплинарного системного подхода.

Научно-практическая значимость диссертации. Фактический материал, выводы и основные положения исследования могут служить

базой для теоретических работ в области истории и культурологии, для реконструкций хозяйственных структур, культовой практики и среды обитания древнего населения Евразии.

Практическая значимость работы заключается в возможности внедрения ее результатов в образовательный процесс, а также при создании учебников и учебных пособий по региональной и российской истории для школьников и студентов различных учебных заведений. Результаты и введенные в научный оборот материалы научного исследования используются при создании музейных экспозиций (гг. Екатеринбург, Нижний Тагил), при подготовке обобщающих трудов по древней истории уральского региона и России, статей энциклопедического характера.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в 16 статьях в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК; 5 монографиях, 49 публикациях в региональных, федеральных и международных изданиях; учебном пособии.

Результаты исследования были представлены в докладах на международных симпозиумах, всероссийских и региональных конференциях в Риге (Латвия, 1996), Джексонвилле (США, 1999), Челябинске (1999), Ханты-Мансийске (2002, 2008, 2009), Екатеринбурге (2002, 2006, 2007, 2010), Новосибирске (2006), Санкт-Петербурге (2009), Салехарде (2012), Штральзунде (Германия, 2013), Москве (2014). Они обсуждались на заседаниях отдела археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН и отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения, включающего текстовую информацию по торфяниковым памятникам и природно-климатическим условиям эпохи голоцена Зауралья, таблицы и иллюстрации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и научная значимость работы, сформулированы цель и задачи исследования, определены хронологические и территориальные рамки, методология и методы исследования, представлены результаты апробации работы, ее научная новизна и практическая значимость.

Глава 1. «История открытия и исследования торфяниковых памятников Зауралья». В параграфе *1.1 «Методика поиска и исследования»* рассмотрены основные принципы обнаружения, фиксации и работы с материалами торфяниковых памятников.

Параграф *1.2. «История открытия и исследования торфяниковых памятников Кокшиаровского, Горбуновского, Шигирского,*

Карасьезерского торфяников; озер Шувакиш, Вашты, Половинное».

Первые торфяниковые памятники в Зауралье и в России были открыты случайно в середине XIX в. на Шигирском торфянике во время золотодобычи. Археологические предметы, обнаруженные здесь, объединены в Шигирскую коллекцию, включающую изделия из кости и рога, деревянные антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные скульптуры, лук, весла, ложки и ковши; керамику эпохи неолита – железного века, изделия из глины и камня, медные и бронзовые орудия. В течение последних 150 лет Шигирский торфяник подвергался постоянному антропогенному воздействию, значительная часть его уничтожена. Сейчас на этой территории выявлено 13 торфяниковых памятников.

В начале XX в. во время торфоразработок были найдены древние артефакты и остатки деревянных сооружений на Горбуновском торфянике. Сейчас здесь выявлено 17 торфяниковых памятников эпохи мезолита – раннего железного века. Особое место среди всех известных объектов этого типа в Зауралье по количеству вскрытой площади, уникальному комплексу находок и сооружений занимает VI Разрез Горбуновского торфяника.

В отдельных разделах этого параграфа рассмотрены история открытия и исследования памятников Кокшаровско-Юрьинского и Карасьезерского торфяника, озера Шувакиш, Вашты, Ельничное, Половинное, Молтаево и ХМАО-Югры.

Параграф **1.3. «Формирование и развитие научных концепций и идей».** Во второй половине XIX – начале XX вв. осуществлялся в основном сбор информации о местах обнаружения древних изделий на торфяниках. Исследования торфяниковых памятников в Зауралье начались в 20–30-е гг. XX в. В результате этих работ были получены значительные собрания изделий из глины, камня и металла, органических материалов, в том числе деревянная и костяная скульптура. Эти коллекции, к сожалению, слабо документированы, значительная их часть не систематизирована.

В 40-х гг. XX в. предприняты попытки выделения и обоснования первых археологических культур (шигирская и андреевская). Однако основываясь на слабо разработанных методах полевого исследования и типологического анализа материала, авторы не смогли выделить в них разновременные комплексы.

К середине 50-х гг. XX в. в Зауралье были открыты и частично исследованы несколько торфяниковых памятников. В исследованиях этого периода основной акцент сделан на вычленении раннего субстрата шигирской культуры эпохи мезолита – неолита и горбуновской культуры позднего неолита – бронзового века. Выделение горбуновских

комплексов по смешанным памятникам привело к нечеткости их характеристик и, как следствие, к введению новых дефиниций – анино-островская и дмитриевская культуры эпохи энеолита – раннего бронзового века.

В 70–80-х гг. XX в. обнаружены новые торфяниковые стоянки на Горбуновском, Кокшаровском и Шигирском торфянике. Особенности изучения Зауралья этого периода проявились в специализированных исследованиях всех археологических эпох, в комплексном рассмотрении проблем культурогенеза и хронологии, реконструкции социально-экономических структур (М.Ф. Косарев, В.Ф. Старков и др.).

В конце XX – начале XXI вв. исследован целый ряд торфяниковых памятников. Предложены культурно-генетические схемы развития зауральских культур эпохи неолита [Ковалева, 1989; Волков, 1999; Косинская, 2001; Зах, 2005], энеолита [Чаиркина, 1995, 1997, 2005; Шорин, 1999, 2004; Ковалева, Клементьева, 2004] и бронзового века [Шорин, 1988, 1999; Обыденков, Шорин, 1995].

Деревянная и костяная скульптура, обнаруженная на уральских торфяниках, рассматривалась в работах, посвященных мировоззренческим представлениям древнего населения, и в публикациях общего характера [Эдинг, 1937, 1940б; Мошинская, 1976].

В начале XX в. ряд исследователей (Ю. Айлио, У. Сирелиус, А. Европеус) объясняли черты сходства зауральских и финских деревянных скульптур эпохи неолита проникновением на запад восточных групп населения или наличием тесных связей между этими регионами. Иная точка зрения – о продвижении традиции изготовления деревянной скульптуры с запада на восток – высказана Э. Штурмсом [Sturms, 1948]. А.Я. Брюсов [1952] и В.М. Раушенбах [1956] черты сходства зауральской и восточноевропейской скульптуры, прежде всего прибалтийской, объясняли связями населения этих территорий, развивавшимися на общей основе. Д.Н. Эдинг [1940б] рассматривал уральскую скульптуру не как изолированное явление, а предполагал развитие анималистического искусства в среде охотников лесной полосы Евразии и его участие в сложении скифского звериного стиля. В работах Д.Н. Эдинга [1937], С.В. Иванова [1970], В.Н. Чернецова [1971] и В.И. Мошинской [1976] аргументирована возможность использования для анализа зауральской скульптуры данных угорской этнографии.

Таким образом, материалы торфяниковых памятников с первых лет исследования становятся одним из основных источников для построения культурно-генетических моделей, реконструкции хозяйственных структур и мировоззренческих представлений древних обществ Урала.

Глава 2. «Торфяниковые памятники каменного века Зауралья».

Параграф 2.1. «*Культура населения эпохи мезолита, хронология эпохи*». Культурные слои эпохи мезолита зафиксированы на семи памятниках, четыре стоянки – Кокшаровско-Юрьинская I и II [Сериков, 2007а; Жилин и др., 2012], Береговая I и II (торфяниковые) [Жилин, Савченко, 2010; 2014] исследованы раскопками. Мезолитические комплексы содержат изделия из камня, кости и рога, костные остатки животных.

Изделия из камня немногочисленны, представлены нуклеусами, пластинами и микропластинами с ретушью и без нее, резцами, серией симметричных острий на пластинах, единичной трапецией. На отщепках изготовлены скребки, найдено несколько шлифованных орудий и грузил. В качестве вкладышей использовались сечения микропластинок, как правило, без вторичной обработки [Косинская, 2010; Жилин и др., 2012]. Инвентарь торфяниковых памятников в целом соответствует признакам каменной индустрии среднезауральской мезолитической культуры, однако не исчерпывает всего разнообразия ее типов и категорий. Его состав и структура определены функциональной спецификой заторфованных участков, на которых осуществлялась минимальная производственная деятельность, связанная с рыболовным промыслом, обработкой деревянного и костяного инвентаря. Другие бытовые занятия и основная камнеобработка, вероятно, были локализованы на минеральном берегу.

В мезолитических слоях торфяниковых памятников Зауралья обнаружены предметы охотничьего вооружения, орудия рыболовства и бытовые инструменты, заготовки орудий, выполненные *из кости и рога* [Савченко, 2010; 2013; 2014]. Специфически уральскими чертами являются применение абразивной обработки, а также преобладание у наконечников стрел насадов клиновидной формы. Вероятно, одними из самых ранних являются обломки наконечников гарпунов и широкого ножа из лопатки, плоского изогнутого и прямых ножей, орудия из челюстей бобра, рыболовный крючок.

Изделия среднего мезолита представлены игловидными, узкими плоскими и однокрылькими без шипа на конце крыла наконечниками стрел. Появляются двукрылые симметричные наконечники без шипов на конце крыльев и наконечники стрел с утолщенной головкой и стержнем между головкой и насадом, а также массивные рогатины с костяными наконечниками. Серией представлены орудия из челюстей и резцов бобра, обломки широких и узких ножей, шилья; присутствуют обломки орнаментированных плоских вкладышевых прямого и изогнутого ножа, подпятники для лучкового сверления, подвески из резцов бобра.

К позднему мезолиту относятся обломки орудий из челюстей бобра и широких ножей из лопаток, ножи и кинжалы. Наконечники стрел представлены двукрылыми симметричными с узким пером ромбического сечения, а также однокрылыми без шипа на крыле с трехгранным пером, с головкой биконической формы и биконическим утолщением на стержне.

Значительная часть предметов из кости и рога орнаментирована гравированными рисунками, которые исследователи сопоставляют с композициями на уральских писаницах, рассматривая их как изображения рыболовных ловушек или охотничьих засек и ловчих ям. Вероятно, они наносились во время сезонных обрядов с целью привлечения в ловушки добычи и размножения зверя.

На Шигирском торфянике был найден Большой Шигирский идол, изготовленный из целого ствола лиственницы или ели сибирской в эпоху мезолита, 7950–7590 г. до н.э. Огромный размер, уникальный декор и структурированность изображений предполагают множественность его семантических текстов.

Хронология и культурная принадлежность. Культурные слои эпохи мезолита торфяниковых памятников Зауралья стратифицированы, перекрыты слоями эпохи неолита – раннего железного века. Их хронология устанавливается по серии ^{14}C дат, в том числе AMS датам изделий из органических материалов, и по вмещающим слоям, подтверждается многочисленными, хорошо датированными восточноевропейскими, в меньшей степени западносибирскими аналогиями костяного и рогового инвентаря. Ранний мезолит датируется около 9 300–8 900 г. до н.э., средний – около 8 300–7 800 г. до н.э. и поздний – около 7 500–6 800 г. до н.э. [Жилин, Савченко 2010б; Жилин и др. 2012]. Вопрос о происхождении среднезауральского мезолита по имеющимся материалам торфяниковых памятников, даже с привлечением данных береговых поселений и стоянок, однозначно не может быть решен. Сложно установить и технико-типологическую динамику каменного и костяного инвентаря по немногочисленным коллекциям.

Параграф 2.2. *«Культура населения эпохи неолита, хронология эпохи».* Культурные слои эпохи неолита, содержащие изделия из камня, кости и дерева, кости животных и керамику, обнаружены на 18 памятниках. Единственной хорошо исследованной и датированной серией ^{14}C дат, но содержавшей небольшой комплекс артефактов, является стоянка Варга 2.

Керамические коллекции, представленные козловским (кокшаровско-юринским), кошкинским, евстюнихским, полуденским, боборыкинским и басьяновским типами, за исключением нескольких целых

емкостей Шигирской коллекции, встречены в обломках, по которым сложно реконструировать форму сосудов и композиции декоров.

Каменный инвентарь, обнаруженный на торфяниковых памятниках, как и в мезолитических комплексах, не отражает всего многообразия и специфики неолитической индустрии Зауралья, а является отражением хозяйственных занятий, осуществляемых на прибрежных участках береговых поселений. В культурных слоях эпохи неолита присутствуют орудия из пластин и отщепов, среди которых много скребков, но мало резцов, есть обломки деревообрабатывающих орудий. Микролитическая вкладышевая техника, вероятно, продолжала существовать в Зауралье и в раннем неолите.

Изделия из кости и рога представлены наконечниками стрел – игловидными и с утолщенной биконической головкой, а также с мелкими косыми зубцами; плоскими вкладышевыми кинжалами и широкими ножами, подвесками из резцов бобра и орудиями из челюстей бобра; рукоятями орудий, острием, скульптуркой головы лося. Найдены рукоятка струга, роговой посредник, обломок шила и плоского вкладышевого орудия, фрагмент кинжала или наконечника копья и узкого плоского наконечника стрелы с пазами, вставка клевца из рога, топор [Жилин и др., 2007; 2012; Савченко, 2010].

Изделия из дерева представлены рейками, обломками трудноопределимых орудий, единичными поплавками, фрагментами доски и стволов с затесами, а также отходами производственной деятельности (щепой).

Хронология и культурная принадлежность. Неолитические слои торфяниковых памятников Зауралья располагаются выше слоев эпохи мезолита, перекрыты материалами раннего металла – раннего железного века. Ранний неолит включает комплексы козловской (кокшаровско-юрьинской) и кошкинской, поздний – боборькинской и полуденской культуры [Выборнов, 2011; Шорин, Шорина, 2011б; Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014]. Керамическое производство, вероятно, появляется в Зауралье около 6200–5 900 гг. до н.э. или с учетом всего диапазона, в том числе отклоняющихся дат, около 6 800 г. до н.э.

Наиболее ранние даты имеют кошкинские комплексы, которые бытовали в Зауралье довольно длительное время. На раннем этапе (около 6 000–4 800 гг. до н.э.) они, вероятно, сосуществовали с козловскими (кокшаровско-юрьинскими), около 5 500–4 600 гг. до н.э. – с евстюнихскими комплексами. На заключительном этапе – с полуденской (около 5 200–4 500 гг. до н.э.), басьяновской (около 5 000–4 400 гг. до н.э.) и боборькинской (около 4 700–3 800 гг. до н.э.) культурами.

Полуденская (5 200–4 500 гг. до н.э.) культурная традиция оформляется около 5 300–5 200 гг. до н.э.; вероятно, несколько позже – басьяновская, бытовавшая около 5 000–4 400 гг. до н.э., и боборькинская (около 4 700–3 800 гг. до н.э.). Одновременное существование керамики разных типов подтверждается их совместным залеганием на ряде памятников, отражает специфику стоянок и поселений Зауралья. Она проявилась в присутствии в одном культурном горизонте, в составе сооружений, нескольких типов посуды разных орнаментальных традиций и в наличии однослойных (с керамикой одной орнаментальной традиции) или преимущественно однослойных (с доминированием одного типа) памятников. Сочетание разных технических приемов при декорировании одного сосуда явление редкое. Наблюдаемая многокомпонентность керамических комплексов, с одной стороны, «закрытость» орнаментального стиля, с другой, – сосуществование с иной традицией может являться отражением социального контекста керамического производства и/или демонстрировать «переходные стадии» развития разных орнаментальных традиций.

Учитывая недостаточную разработанность культурно-хронологических схем, основываясь только на относительно небольшом количестве и единично исследованных торфяниковых памятников невозможно дать полную характеристику всему комплексу культуры этой эпохи Зауралья.

Параграф 2.3. *«Среда обитания, хозяйство и модели освоения вмещающего ландшафта в эпоху мезолита–неолита»*. Культурные слои раннего мезолита отложились в пребореальный период, характеризующегося быстрой деградацией перигляциальной растительности и распространением лесов. Во второй половине пребореального периода отмечается возрастание роли лиственницы и ели, увеличивается количество пыльцы березы, наблюдается повышение уровня озер и возобновление или начало отложения сапропелей.

Средний мезолит Зауралья соотносится с бореальным периодом, пыльцевые спектры которого на стоянке Варга 2 и Береговой II (торфяниковой) отражают растительность березовых и сосново-березовых лесов с небольшой примесью ели и лиственницы в сочетании с остатками перигляциального травяно-кустарникового комплекса. Климат был холоднее современного. Культурные слои позднего мезолита на Береговой II (торфяниковой) стоянке отложились на рубеже бореального и атлантического периодов. Пыльцевые спектры этого времени отражают увеличение количества пыльцы кустарниковых берез, что соответствует похолоданию.

Культурные слои эпохи неолита сформировались в атлантический период, в ксеротермический оптимум голоцена. Пыльцевые спектры начальной стадии атлантического периода (около 6 750–6 270 гг. до н.э.) свидетельствуют о потеплении и формировании лесов южно-таежного облика. Спектры конца атлантического периода (около 3 700–3 640 гг. до н.э.) отражают растительность елово-кедрово-сосновых лесов с лиственницей южно-таежного или подтаежного облика, умеренно влажные и теплые климатические условия. Для бореального и атлантического периодов в целом характерен высокий уровень воды в озерах [Хотинский, 1977; Панова, 2001; Панова, Антипина, 2007б; Панова и др., 2008].

Прибрежные участки зауральских памятников, в которых располагаются культурные слои эпохи мезолита и неолита, функционировали как структурные части береговых поселений. Они многофункциональны, являлись коммуникационными и производственными площадками. Здесь производилась минимальная обработка камня, дерева и кости. Рыболовный инвентарь представлен грузилами и поплавками, остатки запорных сооружений не обнаружены.

В фаунистическом материале мезолитических и неолитических слоев, по определению П.А. Косинцева, существенно преобладает лось, встречены кости бобра, благородного и северного оленя, медведя, собаки. Охота имела ярко выраженное мясное направление. Вероятно, основным охотничьим оружием являлись лук и стрелы – кремневые и костяные. На охоте, по крайней мере, со среднего мезолита применялись рогатины с массивными наконечниками и кинжалы из кости и рога.

Костей водоплавающих птиц немного. Возможно, для ловли птиц использовались специальные приспособления, которые пока не обнаружены. О применении лука и стрел для охоты на них свидетельствуют находки костяных наконечников, зафиксированные в озерных отложениях на значительном удалении от стоянок.

По материалам торфяниковых памятников сложно говорить и о реальной доле рыболовства в хозяйственной структуре мезолитического и неолитического населения Зауралья. Кости рыб в целом немногочисленны. Орудия рыболовства представлены рыболовным крючком и обломком стержня цельного крючка, наконечниками гарпунов и зубчатыми остриями. Пока не обнаружены остатки сетей, верш или заголов, найдено несколько грузил, единично – поплавки.

Малое количество исследованных стоянок этого времени, явная недостаточность материалов, фрагментарно отражающих реальную картину, пока не дают возможность выявить специфику хозяйственных структур социума. Однако большой запас природных ресурсов и возможность

ведения различных отраслей хозяйства, вероятно, определяли устойчивость мезолитической и неолитической экономики, которая без значительных изменений существовала до эпохи раннего металла.

Глава 3. «Торфяниковые памятники эпохи раннего металла». Культурные слои этого времени обнаружены практически на всех памятниках.

Параграф **3.1. «Археологические культуры и типы памятников».** Начало эпохи раннего металла Зауралья маркируют материалы шувакишской культуры и липчинского типа памятников. Субстратная основа для формирования первой, имеющей большое количество аналогий в комплексах новоильинской, раннеборской и поздней верхневолжской культурах, в автохтонной неолитической среде отсутствует. Памятники липчинского типа сформировались, вероятно, на местной субстратной основе. Взаимодействие этих групп населения приводит к сложению аятской археологической культуры.

Параграф **3.2. «Периодизация, хронология и среда обитания».** Периодизация и хронология памятников устанавливается по серии ¹⁴C дат, полученных по разным категориям источников, стратиграфическим показателям, коррелируемым с палеоклиматической моделью позднего атлантического – раннего суббореального периодов. Культурные слои этого времени располагаются между слоями эпохи мезолита – неолита и бронзового – железного века. Нижнюю позицию в стратиграфической колонке занимают комплексы шувакишского типа или слои с выраженным преобладанием материалов липчинского типа, перекрытые комплексами липчинского, аятского, реже шувакишского типов, залегающих совместно. Заключительная фаза атлантического периода реконструируется как относительно засушливая, когда при увеличении температур сокращается количество осадков, отмечается наибольшая дифференциация растительных зон, максимальный расцвет темнохвойных и широколиственных лесов. В суббореальном периоде выделяется раннесуббореальное похолодание (около 4 100–4 600 л.н.), среднесуббореальное потепление (3 200 или 3 400–4 100 л.н.), которое условно может рассматриваться как ксеротермическая фаза, и позднесуббореальное похолодание с увеличением влажности климата (2 500–3 200 или 3 400 л.н.) [Хотинский, 1977; Панова, 2001]. Серией радиоуглеродных дат нижняя граница эпохи раннего металла очерчивается около 4 000 г. до н.э., верхняя – определена условно по началу бытования комплексов раннего бронзового века – около 2 500 г. до н.э.

На раннем этапе эпохи раннего металла сложилась, вероятно, сбалансированная связь социума с экосистемой, что проявилось в увеличе-

нии численности населения, фиксируемом, по крайней мере в районах горнолесного Зауралья. Однако на рубеже атлантического и суббореального периода происходит повсеместное заторфовывание озер, что отрицательно отражается на их продуктивности, складываются, возможно, трудности природопользования.

Параграф 3.3. «**Основные направления хозяйственной деятельности**». Для памятников шувакишского, липчинского и аятского типа характерна *глиняная посуда* баночной формы с округлым, реже уплощенным, единично – плоским дном. Емкости шувакишского типа орнаментировались крупным гребенчатым, «гусеничным», «рамчатым» и «веревочным» штампом, которыми нанесены горизонтально-линейные композиции. Для сосудов липчинского типа характерна накольчатотступающая техника декорирования и сложные композиции узора. Емкости аятского типа орнаментированы гребенчатым штампом средних размеров, которым наносились горизонтальные пояса, заполненные геометрическими фигурами.

Каменная индустрия, реконструируемая в основном по материалам береговых памятников, во многом обусловлена техническими традициями, сложившимися в эпоху неолита. Сохранились основные типы нуклеусов и приемы вторичной обработки. Инновации проявились в появлении пильчатой и косоструйчатой ретуши. Наиболее существенная трансформация произошла в характере индустрии, наблюдается поиск оптимального типа заготовки и ее использование для определенной категории орудий. Населению Зауралья в этот период было известно более 40 разновидностей минералов и горных пород. На памятниках липчинского типа обнаружено большое количество изделий из халцедона, шувакишского – белой и сургучно-зеленой яшмы, на поселениях аятской культуры – углисто-кремнистого сланца. Несколько видоизменился ассортиментный набор изделий, существенно увеличилось количество типов наконечников стрел, появились новые формы грузил и скребков, рубящие изделия трапециевидного и восьмиугольного сечения.

Для шувакишской культуры характерен преимущественно пластинчатый характер каменной индустрии, для памятников липчинского типа – отщеповый. В тех и других комплексах присутствуют изделия, выполненные на плитках, которые наряду с отщепами становятся доминирующим типом заготовки в поздних аятских памятниках.

Свидетельства о существовании *меднолитейного производства* у населения эпохи раннего металла Зауралья немногочисленны. Фиксируется использование металлургически чистой меди, плавка сырья в сосудах или

их обломках, в закрытых глиняных литейных формах,ковка изделий. Ассортиментный набор представлен ножичками, проволокой, шильями.

Деревообработка. На торфяниковых памятниках Зауралья обнаружены заготовки, обломки и готовые изделия из различных пород деревьев, коры сосны и березы. На VI Разрезе Горбуновского торфяника зафиксированы деревянные сооружения, вероятно, – площадки с навесами или без них, состоящие из стволов, досок и вертикально вбитых кольев, и настилы в виде нешироких дорожек. В эпоху раннего металла и в бронзовом веке, около 4 000–1 500–1 300 гг. до н.э., они использовались как культовые, о чем свидетельствуют найденные рядом деревянные антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные скульптуры.

На поселении Шигирское А и стоянке Разбойничий Остров зафиксированы настилы, проложенные от берегового поселения к водоему, прослеженные на протяжении не более 10–20 м, состоящие из параллельно сложенных стволов, иногда укрепленных вертикально вбитыми кольями.

Изделия из дерева представлены бытовой утварью, орудиями охоты и рыболовства, средствами передвижения, скульптурами. Фрагменты лодок найдены на Шигирском торфянике и стоянке Разбойничий Остров. Весла обнаружены практически на всех памятниках, редки составные (Шувакиш I (4 040–3 800 гг. до н.э.), Шигирский торфяник, VI Разрез) и единственное весло с рисунком (Шувакиш I). Полозья саней найдены на Шигирском торфянике и VI Разрезе (3 970–3 710 и 3 970–3 790 гг. до н.э.).

Деревянная посуда представлена фрагментами ложек, ковшей, блюд, обломками берестяных емкостей и фрагментами орнаментированных берестяных изделий.

Деревообработка, вероятно, была традиционным видом деятельности со сложившимися, консервативными приемами и способами обработки, обусловленными структурой обрабатываемого материала. С другой стороны, – это относительно динамичная отрасль, связанная с совершенствованием инструментария, приемов и способов обработки материала.

Изделия из *кости* немногочисленны, представлены биконическим и обломком трудноопределимого наконечника стрелы, теслом, проколками, подвеской и однорядным гарпуном.

Топография расположения памятников, остеологический материал и специализированный инвентарь указывают на значительную роль *рыболовства* в хозяйственной структуре социумов. Судя по этнографическим и археологическим данным, инструментарии и способы лова,

возникнув в древности, на протяжении тысячелетий не претерпели существенных изменений. Инновации коснулись материала, из которого изготавливались орудия, появления новых типов рыболовных снарядов, корректировки сроков добычи и состава ихтиофауны, обусловленных природно-климатическими факторами. Среди промыслового инвентаря торфяниковых памятников преобладают грузила, поплавки, остатки запорных сооружений. Представлены наконечники стрел, гарпуны и остроги. Основная масса рыбы добывалась, вероятно, запорами и ловушками типа котцов и вершей.

Отмеченные рубежи палеоклиматических колебаний, повсеместное заболачивание водоемов Зауралья на рубеже атлантического и суббореального периодов послужили одной из причин своеобразных трудностей природопользования, обусловленных уменьшением водных пищевых ресурсов. Эти процессы происходили в условиях высокой плотности населения, вероятно, были разрешены культурными трансформациями и некоторой переориентацией отраслей хозяйства.

Охота иллюстрируется специализированными каменными орудиями – наконечниками стрел и боласами, изделиями для переработки охотничьей добычи (скрепки, проколки, ножи и т.д.); из дерева – луками, древками стрел и стрелами. Osteологический материал, по определению П.А. Косинцева, представлен костями лося, северного оленя, косули, медведя, лисицы, бобра, некрупных млекопитающих и птиц.

Способы и орудия охоты, известные по этнографическим и археологическим источникам, вероятно, сформировались в древности. Основными объектами мясной охоты были крупные копытные, своеобразие биологии которых связано с ежегодными миграциями с западного склона Урала на восточный. Промысел, возможно, проводился в активной и пассивной форме ямами, ловушками, засеками и устройствами типа городьбы. На писаницах Зауралья, значительная часть которых датируется эпохой раннего металла, запечатлены сцены охоты на крупных копытных. Некоторые изображения можно трактовать как ямы–ловушки и загороди.

Osteологический материал и специализированный инвентарь – некоторые типы каменных и деревянные наконечники стрел, древки стрел, гарпунов и дротиков; луки, боласы, а также ряд сюжетов на писаницах Урала свидетельствуют об охоте населения эпохи раннего металла на боровую и водоплавающую птицу.

Богатейшая флора Урала, этнографические наблюдения и ряд свидетельств археологических источников [Раушенбах, 1956] дают основания предполагать существенную роль собирательства в общей структуре хозяйства.

Таким образом, основными отраслями комплексного хозяйства присваивающего типа в эпоху раннего металла были домашние промыслы, обработка камня, глины, дерева, кости и металла, охота, рыболовство и собирательство. Соотношение различных отраслей не было статичным. Камне- и деревообработка, производство глиняной посуды более консервативны, адаптированы к источникам сырья, регламентированы традициями. Определенные изменения в этих отраслях вызваны внедрением медных орудий труда, культурными трансформациями. Более динамичными компонентами выступают охота и рыболовство, на развитие которых оказывали влияние технические и культурные инновации, природно-климатические изменения.

Параграф 3.4. *«Аспекты мировоззренческих представлений»*. На торфяниковых памятниках Зауралья обнаружены антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные скульптуры, культовые постройки. *Изображения медведя* представлены стилизованными глиняной и костяной головками животного (Шувакиш I), рукоятью весла с навершием и единственной детализированной скульптурой (Шигирская коллекция). Образ медведя играл существенную роль в мировоззренческих представлениях древнего населения Урала и Западной Сибири. На зауральских поселениях кости этого животного встречаются редко. Они широко представлены в культурных слоях жертвенных пещер. Медведь – редкий персонаж и на уральских писаницах. Эти факты в сочетании с единичными находками изображений медведя, по сравнению со скульптурами лосей и водоплавающих птиц, возможно, являются показателем его особого семантического статуса. В сказаниях и легендах обских угров образ медведя многогранен и полисемантичен. Он изображается и воспринимается как потомок бога – небесный медведь, дух–медведь, земной и подземный медведь, человек–медведь, сохозяин земли, сын, брат и посланник бога Торума.

Прослежена особая культовая обрядность и почитание *копытных*. Их изображения многочисленны, стилистически и семантически разноплановы, воплощены в дереве, кости и графике. Деревянные изделия представлены скульптурами–сосудами лосих и навершием рукояти черпака в виде головы лося. Плоскостные графические изображения косяль известны на трех сосудах раннего металла Зауралья. В наскальных изображениях Урала копытные – один из наиболее часто встречаемых персонажей. Они входят в состав композиций с антропоморфными и солярными знаками, которые, вероятно, связаны с обрядами календарного характера, с привлечением добычи, весенним оживлением природы и идеей размножения.

В мировоззрении угорских народов лось воспринимается, прежде всего, как главное промысловое животное. С ним связан миф о Небесном Лосе, существовал и мифологический образ «подземного» лоса. В целом, несмотря на противоречивость, он воспринимается как светлый космический зверь, связанный преимущественно с Верхним миром.

В материалах эпохи раннего металла Зауралья известны деревянные, костяные и кремневые *орнитоморфные* скульптуры. Обнаружено несколько категорий деревянных орнитоморфных изображений. Самая многочисленная группа – реалистичные орнитоморфные навершия на рукоятях ложек и ковшей. Найдено одно навершие жезла (2830–2 470 гг. до н.э.) и несколько плоскостных стилизованных резных изображений. Орнитоморфные фигуры известны на керамике эпохи раннего металла, они – частые сюжеты уральских писаниц, где сочетаются с изображениями ловушек и солярных знаков.

Изображения птиц, сопровождавшие хантов и манси в реальном и нереальном мире, имели сакральное значение, обеспечивали связь с духами–покровителями, выступали посредниками между Нижним, Средним и Верхним мирами, принимали участие в проводах душ умерших в Нижний мир. Обские угры имели родовые группы, ведущие свои истоки от некоторых видов птиц.

В материалах эпохи раннего металла Зауралья известны деревянные и каменные *антропоморфные* скульптуры, их графические изображения на сосудах и писаницах, где они образуют сложные композиции с орнитоморфными, копытными, солярными и небулярными знаками. На торфяниковых памятниках обнаружено десять (двенадцать?) деревянных антропоморфных скульптур и одно изделие, отнесенное к их числу условно. Они представлены фигурами, выполненными на стволе дерева с заостренным нижним концом (коле) с двумя, расположенными друг напротив друга личинами, и фигурой на коле с проработанной головой; скульптурой с головой, туловищем и ногами; головами–личинами и фрагментами двух фигур с проработанными ногами, туловищем и бедрами. Скульптуры, за исключением последних, не составляют устойчивых типов, специфичны и индивидуальны. Разнообразна манера оформления тулова: его отсутствие, схематичность или детализация в изображении отдельных элементов. Моделировка головы прослежена на всех скульптурах, за исключением фигуры, выполненной на коле с двумя личинами. Наиболее канонична обобщенная иконография лица – использование двухплоскостной манеры изображения глаз и щек, носа и лба.

Антропоморфные скульптуры эпохи раннего металла и деревянные идолы хантов и манси обнаруживают черты стилистического сходства

в иконографии лица, фигурах, выполненных на кольях, и скульптурах с ногами, но без рук. Для обских угров характерно большое количество антропоморфных изображений, оформление которых зависит от олицетворяемого персонажа и материала, из которого изготовлены. Они могли служить вместилищем души умершего члена рода или шамана, изображать духа предков, богов или духов [Карьялайнен, 1994; Хэкель, 2001; Соколова, 2009]. Есть мужские и женские духи, которые живут на небе, на земле, под землей, в лесах и водах. Локальные (домашние, личные) и духи клана или рода изображаются в виде идолов, принимают почитание и связаны с конкретным местом. Это – умершие, бывшие герои, предки и основатели клана или рода. Есть подчиненные духи – помощники или охранители духов-идолов, изображавшиеся в виде доски или болванки. Почти каждому духу клана или рода соотнесено какое-то животное, фигурку которого изготавливают из дерева, камня или металла.

Устойчивость мировоззренческих представлений и ритуальной практики древнего населения Зауралья проявилась в сохранении многих структурных элементов культовых площадок, обнаруженных на уральских торфяниках, и на угорских культовых местах, прежде всего посвященных духу или предку–покровителю. Она наблюдается в труднодоступности священных мест, наличии специальных построек (площадок), рядом с которыми помещены антропоморфные скульптуры и фигурки животных, в принесении им жертвенных даров. Однотипен ассортимент культовых предметов и особое отношение к антропоморфным скульптурам.

Голова–личина (стоянка Разбойничий Остров) могла быть домашним духом – защитником семьи, помогающим на охоте и при добыче рыбы. Возможно, скульптура антропоморфной головы из Шигирской коллекции являлась преднамеренно помещенной в болото жертвой или даром. Изделие, отнесенное к антропоморфным условно, – своеобразным оберегом. Скульптуры VI Разреза Горбуновского торфяника по многочисленным обско-угорским аналогиям могли быть изображениями предков или духов–покровителей, а скульптуры животных и птиц – изображениями помощников или стихий (сфер природы), подвластных тому или иному духу, его «транспортным средством», возможной формой его превращения. О некоей соподчиненности зооморфных и орнитоморфных образов антропоморфным, возможно, свидетельствуют их размеры (меньше натуральной величины) и манера стилистического воплощения – на веслах и сосудах, использующихся в культовой практике, но остающихся, по–существу, бытовыми предметами. Антропоморфные скульптуры близки к натуральным размерам, они переданы

схематично и грубо. Принципиальным является раннее появление у населения Зауралья мировоззренческих представлений, связанных с пер-вопредком и/или предками, разнообразными духами, воплощенными в антропоморфных скульптурах, и атрибутивное, подчиненное положение изображений животных. Материалы VI Разреза свидетельствуют о существовании уже в эпоху раннего металла специальных деревянных сооружений или площадок «для идолов» и их большое количество на одном «священном месте».

Верования, связанные с семантически различными антропоморфными, орнитоморфными и зооморфными скульптурами и их изображениями, воплощенными в камне, глине, дереве, безусловно, не были идентичными и не ограничивались рассмотренными аспектами, каждый образ многослоен и полисемантичен.

Глава 4. «Торфяниковые памятники бронзового века Зауралья». Культурные слои этого времени обнаружены на 11 памятниках.

Параграф *4.1. «Археологические культуры и типы памятников раннего бронзового века».* Ранний бронзовый век Зауралья знаменует-ся появлением комплексов карасьеозерского и, возможно, елизаветин-ского типов. При отсутствии однослойных памятников и абсолютных дат культурно-хронологические позиции последних определяются ги-потетически. Наличие большого количества признаков, сближающих керамику елизаветинского типа с аятской и коптяковской посудой, не исключает их генетическую взаимосвязь, определяя ее промежуточное положение.

Иную линию развития, возможно, не связанную с аборигенными культурами, демонстрируют комплексы карасьеозерского типа (Разбой-ничий Остров, Шувакиш XI-Д, Кокшаровско-Юрьинская I, Шигирский Исток I, Шигирское городище (болотное), VI Разрез), находящие ана-логии в материалах памятников раннего бронзового века Кондинской низменности Западной Сибири и Правобережья Оби.

На VI Разрезе найдено несколько сотен сосудов этого типа, изделия из камня, металла (медная проволока и кинжал в деревянной рукояти (2 280–1 970 гг. до н.э.)) и органических материалов – рукояти ковшей и ложек с орнитоморфными навершиями, весла, деревянные сооруже-ния. Обнаружена дорожка–настил (2 450–2 200 гг. до н.э.), включающая резное скульптурное изображение копытного, берестяные блюдо и ор-нитоморфную фигуру. Другое сооружение (2 210–1 970 гг. до н.э.) пред-ставляло собой площадку размером 5,0×3,5 м, сложенную из стволов, досок и кольев.

Карасьезерский тип керамики отличен от елизаветинского и коптяковского по ряду технико-морфологических признаков – форме сосудов (отсутствует ребро; круглые или уплощенные днища), преобладающей технике орнаментации («шагающе»-проташенная наряду с «шагающими» и штампованными оттисками) и форме гребенчатых штампов, композициям декора. Отсутствие абсолютных дат для позднеаятских и елизаветинских комплексов затрудняет их синхронизацию с карасьезерскими. Однако косвенные данные и типологический анализ керамики не исключает одновременность существования елизаветинских и карасьезерских, а на раннем этапе бытования последних и позднеаятских социумов. Не многочисленные пока даты, известные для коптяковских комплексов, указывают на более позднее время их бытования и возможную синхронизацию на раннем этапе с карасьезерскими. ¹⁴C даты по всем категориям источников указывают на время существования карасьезерских комплексов в интервале 2 570–1 970 гг. до н.э.

Параграф 4.2. *«Археологические культуры и типы памятников бронзового века»*. Материалы коптяковской культуры в торфяниковых памятниках немногочисленны, представлены фрагментами керамики, отщепами и плитками со следами использования, костями животных; обломками деревянных древков стрел, досок, реек, берестяными поплавками. В формировании коптяковской культуры при наличии местного компонента (аятско-елизаветинские (?) комплексы) явно просматривается участие лесостепных групп населения петровско-алакульской линии развития.

Культурные слои позднего бронзового века, маркируемые материалами черкаскульской и межовской культуры, зафиксированы на Кокшаровско-Юрьинской I и II, Кокшаровско-Запроточной VI стоянках, VI и VIII Разрезах Горбуновского торфяника, Шигирском Истоке I и Шигирском городище (болотном). Археологический комплекс включает отходы деревообработки, изделия из камня, кости животных, керамику. Деревянные, вероятно, рыболовные сооружения этого времени (1 870–1 510 гг. до н.э.) обнаружены на VIII, а комплекс культовых построек, сопровождавшийся сосудами черкаскульского и межовского типов и более чем 300-и глиняными тарелками, в том числе со стилизованными орнитоморфными изображениями, – на VI Разрезе Горбуновского торфяника. Глиняные тарелки пока не найдены на других памятниках Урала. Декоративные мотивы и техника нанесения орнамента на этих изделиях находят аналогии в материалах кокшаровского варианта межовской или черкаскульской и сузгунской культуры. Полного соответствия между ними нет, что, вероятно, объясняется фактами отличия поселенческой,

погребальной и культовой посуды, разновидностью которой являются тарелки. Большое количество аналогий с материалами VI Разреза наблюдается и в структуре культовых памятников сузгунской культуры.

Стилизованные «уточки» известны на сосудах абашевской и черкаскульской культуры, андроновской культурной общности. В могильниках федоровской культуры обнаружены глиняные блюда, типологически отличающиеся от горбуновских тарелок. Однако, учитывая стилистическое сходство изображений на тарелках и «уточек» на сосудах андроновской (федоровской) культуры, не исключен их близкий семантический контекст. Идея воплощения орнитоморфных изображений на сосудах не была нова для аборигенного населения Зауралья. Вероятно, в результате андроновско (федоровско)-черкаскульских контактов был воспринят их новый стилистический образ, а элементы орнаментальной традиции андроновской (федоровской) культуры на окраине андроновского ареала сохранились до конца бронзового века. Учитывая датировку позднечеркаскульских и сузгунских комплексов, а также ^{14}C дату по вмещающему слою VI Разреза, время бытования этих изделий определяется около 1 500–1 310 гг. до н.э.

Культурные слои гамаюнской культуры заключительного этапа бронзового века Зауралья зафиксированы на четырех памятниках. Находки представлены керамикой, отщепами, отбойником из гальки, расколотыми гальками, костями животных, древесной щепой и рейками, обломками древков стрел, рукоятями трудноопределимых изделий. Культурные слои *раннего железного века*, содержавшие керамику иткульского типа и немногочисленные отходы деревообработки, обнаружены на семи памятниках.

Параграф 4.3. *«Хронология и среда обитания»*. Культурные слои бронзового и раннего железного века располагаются выше слоев эпохи мезолита, неолита и раннего металла. Слои позднего бронзового века (около 1 500–1 310 гг. до н.э.) отложились в первой половине суббореального периода, который характеризовался умеренно теплыми и влажными климатическими условиями, когда происходило зарастание и заболачивание озер. Культурные слои раннего железного века (около 970–810 гг. до н.э.) сформировались во второй половине суббореального периода, для которого характерны сосновые и березово-сосновые леса с примесью ели, местами пихты, лиственницы, кедра сибирского. В умеренно-континентальных климатических условиях продолжались процессы торфообразования [Панова, 2007; 2011].

Глава 5. «Торфяниковые памятники Восточной и Западной Европы».

Параграф 5.1. «Торфяниковые памятники Восточной Европы». На Севере Европейской части России, в Волго-Окском междуречье, в бассейне р. Западная Двина и в Прибалтике обнаружено большое количество торфяниковых памятников эпохи мезолита – раннего металла. В бронзовом веке нарастающие процессы заболачивания, изменение системы освоения и использования вмещающего ландшафта приводят к сокращению торфяниковых стоянок и поселений. Немногочисленные материалы железного века фиксируются лишь на отдельных памятниках.

В культурных слоях эпохи мезолита торфяниковых памятников этих территорий обнаружен разнообразный ассортимент орудий из кости, рога и камня. Предметы из дерева, как правило, немногочисленны. Несколько большие серии изделий из дерева (копья, гарпуны, поплавки, полозья саней, лыжи, весла, фрагменты сети, луки, наконечники и древки стрел, посуда и др.) присутствуют в мезолитических слоях стоянки Замостье 2, поселения Веретье I и Виском I торфянике. Произведения искусства в материалах памятников этого времени представлены деревянной головой птицы, костяной антропоморфной личиной и стилизованной скульптурой, изображением головы птицы (Веретье I); лыжей со скульптурной головкой лося (Виский I торфяник); фигурками птички, змеи и головы кабана (Замостье 2); костяной головкой водоплавающей птицы и роговой скульптурой фантастического существа (Ивановское 7).

На торфяниковых памятниках эпохи неолита и раннего металла лесной зоны Восточной Европы обнаружены изделия из камня, кости, рога и дерева, керамика. Разнообразны костяные наконечники стрел, гарпуны, кинжалы, ножи, шилья, иглы, рыболовные крючки и др. Орудия охоты представлены копьями и луками, бумерангами и пращами (Сарнате), наконечниками стрел.

Найдены поплавки, грузила, палки-клячи и диски от ботал, орудия индивидуального лова – наконечники гарпунов и острог, рыболовные крючки. Остатки рыболовных сооружений зафиксированы на памятниках эпохи мезолита – раннего бронзового века Латвии – Звидзе, Сарнате, Абора I; Литвы – Швянтой 1А, 2Б, 4Б. На Севере и Северо-Западе Европейской части России – Охта I, Вис II, Мармугинский I и II торфяник. В междуречье Днепра и Двины – стоянки Усвяты IV, Рудня Сертейская, Сертея I, Сертея X и XIV. В Волго-Окском междуречье – Сахтыш I и 2а, Становое 4, Замостье 2.

Средства передвижения представлены обломками лыж, саней, фрагментами лодок-долбленок, веслами (Швянтой 1В, 2В, Сарнате).

Бытовые орудия и инструменты включают берестяные изделия, мотыги, лопатки, мутовки-мешалки, крюки и колотушки. Посуда представлена блюдами, ложками и ковшами, в том числе с орнитоморфными навершиями на рукоятях; корзинами. Найдены фрагменты ткани (Швянтойи 1, 2), остатки сетей (Абора I, Сарнате, Сертея 2, Озерки 17).

В эпоху мезолита – раннего металла на этих территориях сложились благоприятные природно-климатические условия для ведения комплексного хозяйства присваивающего типа, основными отраслями которого являлись домашние промыслы, охота и рыболовство.

Предметы искусства, выполненные из органических материалов, в целом немногочисленны, представлены костяными и роговыми антропоморфным, зооморфными и орнитоморфными скульптурами. Деревянные антропоморфные скульптуры найдены на поселении Сарнате и в устье р. Малмута в Латвии, на поселении Швянтойи 28 и в Ortschaft Hopfenbach.

Мезолитические деревянные постройки обнаружены на поселении Веретье I, эпохи неолита – на стоянке Звидзе и Сарнате, позднего неолита или раннего металла – на поселении Абора I, Тамула, Модлона, Репище. В бассейне верхнего и среднего течения р. Западная Двина в IV–II тыс. до н.э. фиксируется традиция строительства свайных построек.

Таким образом, торфяниковые памятники эпохи мезолита – позднего неолита рассмотренных регионов гораздо более многочисленны по сравнению с материалами этого времени, обнаруженными в Зауралье. Они являются комплексным источником для реконструкций палеосреды, материальной и духовной культуры древнего населения.

Параграф **5.2. «Торфяниковые памятники Западной Европы»** представлены *свайными постройками* (*lake-dwelling, pfahlbauten, lacustrine dwelling*), *настилами – дорогами* (*trackways*), *жертвенными местами, погребениями* (*bog bodies*) и др. Самые ранние торфяниковые памятники Европы, в культурных слоях которых обнаружены изделия из камня, кости и рога, дерева, датируются финальным палеолитом и мезолитом – Hengistbury Head и Star Carr (Англия), Friesack и Schtelmoor (Германия), Noyen-sur-Seine (Франция) и др. [Gramsch, 1992; Mordant С., Mordant D., 1992; Schlichtherle, 2004]. Орудия из органики представлены гарпунами, топорами и теслами, деревянными древками стрел, рыболовными приспособлениями и лодкой-долбленкой (Noyen-sur-Seine), фрагментами сетей и веревок, берестяной емкостью (Friesack 4, 27).

5.2.1. «Свайные постройки». Это – деревянные сооружения, возведенные на сваях над водой в озерах и реках или в болотистых местностях на суше. Озерные поселения фиксируются почти в 30 культурах

эпохи неолита, бронзового и начала железного века (конец V тыс. – VII в. до н.э.), иногда – исторической эпохи. Они обнаружены в Швейцарии, Франции, Северной Италии, Верхней Австрии, Южной Германии, Северной Европе. Данные современных исследований демонстрируют значительную вариативность форм и способов сооружения свайных поселений, различны их размеры и форма организации внутреннего пространства.

Некоторые возводились на сваях, вбитых в землю или дно озера, находились над водой и соединялись с сушей мостками. Сваи крепились горизонтальными балками, на которых возводились жилища из бревен или прутьев. Такое местоположение и устройство поселков обеспечивало защиту от нападения врагов и зверей, наводнений, давала людям пищу и скрывала отходы жизнедеятельности [Petrequin, Badly, 2004].

В прибрежной полосе платформы из бревен и жердей выстилались на земле, без опорных свай. По мере их погружения в торф делались новые настилы. Такие конструкции позволяли сооружать постройки на местах, не подходящих для обитания, и не занимать пригодную для полей и пастбищ землю [Schlichtherle, 2004]. Население свайных построек Приальпийской зоны занималось земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством. Обнаружены сети и верши, удочки, челны – однодревки, деревянная мебель, ткани, части ткацких станков, мотыги и др. [Zugr, 1965].

Наиболее убедительными сейчас кажутся доводы в пользу южного происхождения и распространения традиции строительства свайных построек в Европе, различия между которыми определялись комплексом культурно-хронологических, социально-экономических и природно-экологических факторов.

5.2.2. «Деревянные сооружения – настилы, дороги». Такие сооружения эпохи неолита – железного века, проложенные через болото, прослеженные на протяжении нескольких километров, известны на многих торфяниках Западной Европы – Somerset Level (Англия), Meerhusener Moog и Wittemoog (Германия) и др. Рядом с некоторыми из них найдены антропоморфные деревянные скульптуры. Самой древней (6400±85 л.н.) является статуэтка из Willemstad (Нидерланды). Скульптуры эпохи неолита найдены в Somerset Levels и Dagenham (Англия), Aurich (Германия), Pohjankuru (Финляндия); бронзового века – в Lagore и Ralaghan (Ирландия), Kragelund (Дания). Некоторые из них распознаются как явно антропоморфные, другие являются почти не обработанными натуральными стволами, какими-то деталями похожими на антропоморфное существо. Скульптуры не всегда изображают целых людей, иногда представлены головами, туловищем или его частью. Есть женские и мужские персонажи.

Спектр точек зрения на назначение антропоморфных деревянных скульптур и на то, что или кого они олицетворяли, в западноевропейской литературе велик. Некоторые исследователи считают их изображением божеств, другие предполагают, что они являлись «заместителями» сверхъестественных существ, функционируя как объекты культа. Возможно, некоторые изображали реальных предков.

Скульптуры, включенные в структуру дорог, составляют отдельную группу, существенно варьируют в размерах и локализации в различных частях сооружений. По мнению исследователей, они являлись хранителями дороги и путешественников от злых духов и недоброжелателей, возможно, указывали на ее опасные участки или являлась дорожными маркерами. Когда дорога приходила в негодность или надобность в ней отпадала, «хранителя» низвергали и бросали рядом. Некоторые фигуры, возможно, являются имитацией человеческой жертвы [Raftery, 1992; Immortal Images ..., 2001].

5.2.3. «Жертвенные места и клады в болотах и торфяниках». На территории Западной Европы известно более 500 жертвенных мест и кладов в болотах и торфяниках эпохи неолита – средневековья (Skayeving, Uldum Kaye Kvested Mos, Valmos). Места частных и общественных жертвоприношений различаются количеством и составом находок, сложностью обустройства и длительностью использования. Магические действия и приношения на таких площадках были направлены на умиловивление богов, к которым обращались с просьбами о плодородии, плодовитости скота и благополучия живущим. Общественные жертвоприношения включают украшения, оружие и целые сосуды; на севере Европы – мечи и боевые топоры (Skogetop, Lavingsgords, Дания) [Русанова, 2002].

5.2.4. «Погребения в болотах». В Западной Европе, преимущественно в Германии (Osterby, Vindeby, Rendsburg, Peitin), Дании (Tollund, Grauballe, Elling, Haraldsen, Huldremose, Kelberg), Нидерландах (Wirding, Yde), Великобритании (Lindow Moss), Ирландии (Clonycavan) и Швеции (Boxsten) обнаружено более тысячи погребений людей в болотах. Некоторые тела почти не затронуты разложением, у них сохранились кожные покровы и внутренние органы; другие скелетированы или представлены отдельными фрагментами.

Большинство погребенных по результатам ^{14}C анализа жило около 2 000–2 500 л.н., есть и более древние находки – женщина из Kelberg, умершая около 8 000 г. до н.э. В болотах Дании известно большое количество погребений, датированных ранним неолитом [The Oldest of the Bog People ..., 1999; Bennike, 1999].

Возраст смерти погребенных определяется по антропометрическим обмерам, состоянию скелета и зубов. Состав пищи и период смерти – исследованием пищеварительных трактов и химическим анализом волос. Последней пищей человека из Tollund была каша из 40 видов зерен и семян, а в желудке мужчины из Grauballe обнаружены мелкие кости животных. Погребенный из Clonycavan на протяжении нескольких месяцев до гибели употреблял в пищу овощи и, вероятно, умер летом.

На некоторых телах присутствует одежда, которая свидетельствует об их высоком социальном статусе. Хорошо сохранилась кожаная шапочка мужчины из Tollund, шерстяное платье, обнаруженное рядом с женщиной из Huldremose, шерстяные обмотки с отделенных от тела ног (Дания).

Некоторые из погребенных, вероятно, погибли в результате несчастного случая, другие могли быть жертвами преступлений. Довольно часто причиной смерти являлось удушение или перерезание горла. Некоторые исследователи полагают, что в торфе погребены казненные преступники. Однако таких находок слишком много, среди них есть женщины и дети. После смерти многие из них были специально захоронены. С этих позиций статус некоторых из них был необычен. Не исключено, что они являлись специальными жертвами богам или своеобразными благодарениями, возможно, за топливо – торф или железо, источником которого была болотная руда. Некоторые исследователи предполагают, что они были пожертвованы при проведении церемоний, связанных с производящим хозяйством – земледелием [Bennike, 1999].

У германцев известен обычай осуществлять жертвоприношения в болотах. Убитых и погруженных в торф и воду людей считали жертвами богам. Археологические данные, особенно для Англии и Ирландии, подтверждаются и народными кельтскими и английскими сказками, которые считают погребения в торфе ритуальными жертвами.

Таким образом, населению Западной Европы эпохи мезолита – железного века был присущ близкий комплекс мировоззренческих представлений, ритуальных действий и обрядов, связанных с практикой болотных погребений, традицией поклонения болоту и/или богам, «проживающим» в нем, размещение там жертвенных даров.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы. Торфяниковые памятники – особый тип природно-археологических источников, важных для реконструкции культуры, среды обитания и системы жизнеобеспечения населения эпохи мезолита – позднего бронзового века Зауралья.

Болото- и торфообразование началось еще в раннем голоцене, но, вероятно, во второй половине пребореального, в бореальном и на протяжении большей части атлантического периода на территории Зауралья, во время функционирования памятников эпохи мезолита и неолита, эти процессы не были повсеместны, а охватывали локальные участки водоемов. В этот период осваивались береговые, прибрежные площадки и водная акватория, лишь местами подвергшаяся заболачиванию. Формируются традиции расположения береговых поселений, в определенных формах рельефа, в стратегии выбора которых «состояние» водного бассейна не было определяющим. В Зауралье пока известно небольшое количество торфяниковых памятников этого времени. В Восточной Европе их значительно больше. Культурные слои некоторых из них, особенно Волго-Окского междуречья, вероятно, сформировались в иной микро климатической ситуации, чем зауральские памятники, – в период регрессии водоемов, когда пересыхали значительные участки водоемов и формировались слои с большим количеством археологического материала. Свидетельства регрессий и трансгрессий бореального и первой половины атлантического периода на уральских водоемах не отчетливы. Здесь в это время наиболее активно заселяются береговые площадки, на которых не сохраняются изделия из органики. Площадь прибрежных участков, позднее перекрытых торфом или сапропелем, была невелика, на них производилась хозяйственная деятельность, материальные следы которой не многочисленны.

В эпоху раннего металла и в бронзовом веке в Зауралье в связи с изменившейся природно-климатической ситуацией, приведшей к повсеместному заболачиванию водоемов, меняется стратегия освоения населением вмещающего ландшафта. Наряду с прибрежными участками активно осваиваются заторфованные котловины палеоозер, на которых прокладываются транспортные коммуникации, устраиваются производственные площадки, сооружаются святилища.

Свайные поселения, подобные западноевропейским, в Зауралье пока не обнаружены. На многих западноевропейских торфяниках зафиксированы деревянные дороги эпохи неолита – железного века, протяженностью до нескольких километров, соединяющие поселения, расположенные в разных частях заболоченных водоемов. Рядом с ними найдены отдельные артефакты, а сакрализация, вероятно, наиболее значимых участков акцентирована предельно схематичными антропоморфными скульптурами. В Зауралье и на других торфяниках России такие дороги не зафиксированы. Здесь обнаружены настилы, протяженностью не более 10–20 м, проложенные от берегового поселения к водоему, или

располагающиеся в котловинных частях торфяников, удаленных от береговых поселений, которые могли быть фрагментами дорог и/или производственными площадками.

Адаптация социумов к изменению природно-климатической обстановки, осмысление нового качества водоемов в эпоху раннего металла и в бронзовом веке проявились и в появлении культовых мест, маркируемых комплексом деревянных сооружений, антропоморфными, зооморфными и орнитоморфными скульптурами, расположенных в труднодоступных частях заболоченных озер. Эта категория объектов, а также количество и разнообразие скульптур из органики, совершенных по воплощению и стилю, не известных на других памятниках Восточной и Западной Европы, определяют специфику торфяниковых памятников Зауралья.

Практика сооружения святилищ в труднодоступных частях болот, находящих целый ряд аналогий в постройках, утвари, антропоморфной деревянной скульптуре VI Разреза Горбуновского торфяника, характерна для угорских народов. В Западной Европе зафиксированы простые жертвенные места и специальные площадки, сооружаемые на болотах, сопровождаемые сосудами, костями людей и животных, иногда антропоморфными скульптурами.

В Зауралье кроме культовых мест в котловинной заболоченной части палеоозер довольно часто обнаруживаются отдельные находки или скопления артефактов, которые, вероятно, попадали в болото (или водную гладь) случайно, были потеряны (костяные наконечники стрел и гарпуны) или помещены преднамеренно и имели особый семантический статус. Возможно, к таким культовым площадкам можно отнести место обнаружения Шигирской антропоморфной скульптуры – антропоморфной головы и Большого Шигирского идола, изготовленного в эпоху мезолита. Судя по тому, что рядом с ними не зафиксированы сооружения и количество сопровождаемых (?) находок невелико, не исключено, что они найдены не там, где были изготовлены и использовались. Подобно ряду западноевропейских антропоморфных скульптур они могли быть установлены на краю озера или болота, на прибрежном участке или специальной культовой площадке. После выполнения своих функций скульптуры, возможно, были преднамеренно погружены в воду или болото.

Жертвоприношения, посвященные воде и болотам, фиксируются в археологических памятниках эпохи неолита – бронзового века Западной Европы. В воде находят сосуды, кости человека и животных, металлические изделия. Многие предметы были брошены в воду явно

преднамеренно – они найдены вдали от поселений, часто это – разновременные вещи, иногда размещенные в определенном порядке.

Помимо отдельных жертвенных предметов в западноевропейских торфяниках обнаружены погребения людей, многие из которых были убиты, о чем свидетельствуют раны, сосредоточенные в основном на голове и шее, и преднамеренно помещены в болото. Спектр точек зрения зарубежных исследователей на статус погребенных различен.

В Зауралье в немногочисленных минеральных погребениях этого времени обнаружены захоронения людей в анатомическом порядке и скелеты без черепов, находки отдельных черепов. Четыре черепа и кость нижней конечности человека найдены под слоем торфа на Шигирском торфянике, лучевая и бедренная кость человека – на IVA Разрезе Горбуновского торфяника. Прямых свидетельств наличия в Зауралье в эпоху мезолита – раннего железного века обычая человеческих жертвоприношений нет. Но, по крайней мере с эпохи мезолита, у уральского населения бытовало особое отношение к головам, черепам (?) животного, птицы, человека. Возможно, погребения черепов или отдельных костей человека были своеобразными «подношениями», «дарами» или являлись специфическими погребениями социально значимых, почитаемых или, напротив, порицаемых личностей. В этнографических материалах угорских народов встречаются упоминания о том, что при чрезвычайных обстоятельствах приносились человеческие жертвы, иногда – в болоте [Гемуев, Сагалаев, 1986; Головнев, 1995].

В позднем бронзовом и раннем железном веке, когда нарастают процессы заторфовывания, происходит существенное сокращение площади водной акватории наряду с сохранением традиционных мест расселения, применяется практика переноса базового поселения на другие береговые площадки или иные водоемы с более удобной стратегией освоения. На территории Восточной Европы, где процессы заторфовывания последовательно нарастали со второй половины атлантического периода, этот вариант освоения жизненного пространства сформировался, вероятно, еще в эпоху позднего неолита. Торфяниковых памятников бронзового и железного века здесь не много.

Еще более гибкие системы адаптации и освоения жизненного пространства, обусловленные во многом культурными традициями строительства свайных построек, фиксируются у древнего населения Западной Европы. Свайные постройки при множестве функций являлись, прежде всего утилитарными сооружениями. Наряду с ними здесь, по крайней мере с эпохи неолита, существовали иные формы освоения и поклонения болотам и торфяникам (дороги, жертвенные места, погре-

бения), бытовавшими на протяжении нескольких тысячелетий и отразившимися в мифологии многих европейских народов.

Таким образом, формирование и функционирование торфяниковых памятников эпохи мезолита – железного века Западной и Восточной Европы, Зауралья обусловлены общими и региональными изменениями климата голоцена. Они приводили к регрессиям, трансгрессиям и заболачиванию водоемов и, как следствие, к вариациям в системе расселения и освоения территории древним населением. Вмещающий ландшафт во все археологические эпохи в большей или меньшей степени являлся активным объектом, определяя необходимость адаптации социумов к его трансформациям. Варианты моделей адаптации вырабатывались социальными системами и были, с одной стороны, определены культурными традициями, а с другой – носили универсальный характер, т.к. обусловлены эпохальными изменениями климата – болото- и торфообразованием, характерны для населения разных регионов и разных эпох.

Многочисленные аналогии, наблюдаемые в ряде категорий костяного, рогового и деревянного инвентаря зауральских и восточноевропейских памятников, обусловлены, вероятно, традиционностью и консерватизмом хозяйственного уклада населения лесной зоны Евразии, сложившегося в сходных ландшафтно-климатических условиях. Отдельные элементы сходства структуры болотных святилищ и культовых предметов у таких территориально, культурно и этнически разнородных образований, вряд ли могла возникнуть в результате непосредственных контактов и взаимовлияний. Вероятнее распространение и бытование близких сюжетов мировидения в едином культурно-информационном пространстве, охватывающем огромные территории лесной полосы Урала, Восточной и Западной Европы.

Перспективы мультидисциплинарного исследования торфяниковых памятников и последующей интерпретации полученных данных очевидны. Вместе с материалами большого количества раскопанных с применением современных методов археологии памятников, располагающихся на минеральных почвах, они могут обеспечить комплексный подход в реконструкции палеосреды, быта, культурно-хронологической динамики и мировосприятия древнего населения Евразии.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях (общий авторский вклад 90,2 п.л.)**

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки:

1. **Чаиркина Н.М.** История открытия и исследования торфяниковых памятников Зауралья // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 2 (27). – С. 102–110. – (1,0 п.л.)

2. **Chairkina N.M.** Peat-Bog sites in the Eastern Urals // Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurasia. – 2010. – Vol. 38. – Iss. 4. – P. 85–92. – (1,0 п.л.)

3. Берсенева Н.А., Созина Е.К., **Чаиркина Н.М.**, Широков В.Н., Шорин А.Ф. [Рецензия] // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 2 (27). – С. 143–146. – Рец. На кн.: История башкирского народа: в 7 т. / Гл. ред. М.М. Кулшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – М.: Наука, 2009. – Т. I. – 400 с. – (1,0 п.л.; авторский вклад 0,2 п.л.)

4. Кашина Е.А., **Чаиркина Н.М.** Деревянная посуда с наверхиями в виде голов водоплавающих птиц на территории Зауралья, лесной зоны Восточной и Северной Европы // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. – С. 157–169. – (1,0 п.л.; авторский вклад 0,5 п.л.)

5. Шорин А.Ф., **Чаиркина Н.М.**, Широков В.Н. Археологические памятники Урала в контексте древнего культурного наследия Евразии // Вестник Уральского отделения Российской академии наук. Наука. Общество. Человек. – 2011. – № 3. – С. 117–123. – (0,6 п.л.; авторский вклад – 0,2 п.л.)

6. Kashina E.A., **Chairkina N.M.** Decorated birch-bark artifacts from Section VI of the Gorbunovsky Peat-Bog // Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurasia. – 2012. – Vol. 40. – Iss. 1. – P. 41–48. – (1,0 п.л.; авторский вклад 0,5 п.л.)

7. **Чаиркина Н.М.** Модели освоения вмещающего ландшафта в мезолите – раннем железном веке Зауралья (по материалам торфяниковых памятников) // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 4 (37). – С. 43–49. – (1,0 п.л.)

8. **Чаиркина Н.М.** Глиняные тарелки VI Разреза Горбуновского торфяника // Уральский исторический вестник. – 2013а. – № 2 (39). – С. 113–127. – (1,0 п.л.)

9. **Chairkina N.M.** Clay Plates with Stylized Ornithomorphic Representations from Section VI of the Gorbunovsky Peat-Bog //

Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurasia. – 2013. – Vol. 41. – Iss. 3. – P. 68–80. – (1,0 п.л.)

10. **Чаиркина Н.М.** Большой Шигирский идол // Уральский исторический вестник. – 2013в. – № 4 (41). – С. 100–110. – (1,0 п.л.)

11. Антипина Т.Г., Панова Н.К., **Чаиркина Н.М.** Динамика природной среды в голоцене по данным комплексного анализа VI Разреза Горбуновского торфяника // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2013. – Вып. 4 (16). – С. 1–9. – (1,0 п.л.; авторский вклад 0,3 п.л.)

12. **Chairkina N.**, Kuzmin Y., Burr G. Chronology of the perishables: first AMS ¹⁴C dates of wooden artefacts from Aeneolithic – Bronze Age waterlogged sites in the Trans-Urals, Russia // Antiquity. – 2013. – Vol. 87. – P. 418–429. (1,0 п.л.; авторский вклад 0,5 п.л.)

13. **Chairkina N.M.** Anthropomorphic Wooden Figures from the Trans-Urals // Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurasia. – 2014. – Vol. 42. – Iss. 1. – P. 81–89. – (1,0 п.л.)

14. **Чаиркина Н.М.**, Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1 (24). – С. 4–13. – (1,0 п.л.; авторский вклад 0,5 п.л.)

15. **Чаиркина Н.М.**, Павлова О.А., Вилисов Е.В. Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника в 2009 г. // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 1 (42). – С. 112–122. – (1,0 п.л.; авторский вклад 0,5 п.л.)

16. **Чаиркина Н.М.** Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника в 1927 г. (по материалам раскопок Д.Н. Эдинга) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск. – С. 58–67. – (1,0 п.л.)

Монографии:

17. **Чаиркина Н.М.** Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – 314 с. – (25,8 п.л.)

18. **Чаиркина Н.М.** Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Среднего Зауралья (по материалам кульгово-погребальной площадки Скворцовская гора V). – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 224 с. – (18,0 п.л.; авторский вклад 16,5 п.л.)

19. **Чаиркина Н.М.**, Савченко С.Н., Литвяк А.С., Сериков Ю.Б. Археологические памятники Шигирского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 196 с. – (15,6 п.л.; авторский вклад 7,5 п.л.)

20. **Чаиркина Н.М.** Тайны торфяников // Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 430 с. – (56,25 п.л.; авторский вклад 4,5 п.л.)

21. **Варга-2:** Раннеэнеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа) / М.Г. Жилин, Т.Г. Антипина, Н.Е. Зарецкая, Л.Л. Косинская, П.А. Косинцев, Н.К. Панова, С.Н. Савченко, О.Н. Успенская, **Н.М. Чаиркина.** – Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007. – 98 с. (12,5 п.л.; авторский вклад 3,1 п.л.)

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов:

22. **Чаиркина Н.М.,** Погорелов С.Н. Стоянка Шувакиш I // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Ин-т языка, лит. и истории Коми науч. центра УрО РАН, 1989. – С. 170–172. – (0,2 п.л.; авторский вклад 0,1 п.л.)

23. **Чаиркина Н.М.,** Шорин А.Ф. Стоянка Разбойничий Остров – новый торфяниковый памятник горно-лесного Зауралья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Ин-т языка, лит. и истории Коми науч. центра УрО РАН, 1990. – С. 96–100. – (0,3 п.л.; авторский вклад 0,2 п.л.)

24. Ковалева В.Т., **Чаиркина Н.М.** Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Урал. Гос. ун-т, 1991. – Вып. 20. – С. 45–92. – (1,5 п.л.; авторский вклад 0,7 п.л.)

25. **Чаиркина Н.М.** Зауральско-североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита (проблемы энеолита Среднего Зауралья) // Уральский исторический вестник. – 1997. – № 4. – С. 28–39. – (1,0 п.л.)

26. Викторова В.Д., **Чаиркина Н.М.,** Широков В.Н. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. – 1997. – № 4. – С. 40–64. – (1,5 п.л.; авторский вклад 0,5 п.л.)

27. **Чаиркина Н.М.** Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1998. – Вып. 23. – С. 81–104. – (1,3 п.л.)

28. **Чаиркина Н.М.** Аятская культура // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во Екатеринбург, 1998. – С. 62–63. – (0,1 п.л.)

29. **Чаиркина Н.М.** Макуша III // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во Екатеринбург, 1998. – С. 320–321. – (0,1 п.л.)

30. **Чаиркина Н.М.** Липчинский тип памятников // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во Екатеринбург, 1998. – С. 308–309. – (0,1 п.л.)
31. **Чаиркина Н.М.** Разбойничий (Листвяный) Остров // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во Екатеринбург, 1998. – С. 440–441. – (0,1 п.л.)
32. **Чаиркина Н.М.** Шувакиш I // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во Екатеринбург, 1998. – С. 600–601. – (0,1 п.л.)
33. Ковалева В.Т., Кокшаров С.Ф., **Чаиркина Н.М.**, Шорин А.Ф. Энеолит Урала // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН; Изд-во Екатеринбург, 1998. – С. 604–605. – (0,3 п.л.; авторский вклад 0,1 п.л.)
34. **Чаиркина Н.М.**, Тихонова Н.Р. Опыт типолого-технологического анализа энеолитической керамики Среднего Зауралья (по материалам поселения Макуша III) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – Вып. 3. – С. 40–54. – (1,0 п.л.; авторский вклад 0,8 п.л.)
35. **Чаиркина Н.М.**, Ерохин Н.Г., Панова Н.К., Хижняк В.А., Погорелов С.Н., Чаиркин С.Е. Археологическое исследование торфомассива Водяное-Глухое // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – Вып. 3. – С. 54–76. – (1,5 п.л.; авторский вклад 0,7 п.л.)
36. Кернер В.Ф., **Чаиркина Н.М.**, Савченко С.Н. Поселение Малый Шарташ III // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – Вып. 3. – С. 83–97. – (1,5 п.л.; авторский вклад 0,5 п.л.)
37. **Чаиркина Н.М.** Стратиграфия и хронология археологических комплексов торфяно-болотных массивов Среднего Зауралья // Болота и люди. Мат-лы междунар. семинара «Болота и археология». – М., 2000. – С. 145–167. – (1,5 п.л.)
38. **Чаиркина Н.М.**, Савченко С.Н. Древности Шигирского торфяника // Северный археологический конгресс. Докл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 228–241. – (1,0 п.л.; авторский вклад 0,5 п.л.)
39. Панина С.Н., **Чаиркина Н.М.**, Шорин А.Ф. Дорогами древних. История Слободо-Турунского района. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – С. 19–33. – (1,0 п.л.; авторский вклад 0,3 п.л.)
40. Кернер В.Ф., Савченко С.Н., **Чаиркина Н.М.** Шарташ Малый III // Екатеринбург, энциклопедия. – Екатеринбург, 2002. – С. 656–657 – (0,2 п.л.; авторский вклад 0,1 п.л.)

41. **Чаиркина Н.М.** Поселение Макуша III // Екатеринбург, энциклопедия. – Екатеринбург, 2002. – С. 335. – (0,1 п.л.)
42. **Чаиркина Н.М.** Стоянка Разбойничий Остров // Екатеринбург, энциклопедия. Екатеринбург, 2002. – С. 471. – (0,1 п.л.)
43. **Чаиркина Н.М.** Поселение Шувакиш I // Екатеринбург, энциклопедия. – Екатеринбург, 2002. – С. 665–666. (0,1 п.л.)
44. **Чаиркина Н.М.,** Кузьмина А.С., Шорин А.Ф. Поселение Боярка I // Археологические открытия за 2004 г. – М.: Наука, 2005. – С. 150–151. – (0,2 п.л.; авторский вклад 0,1 п.л.)
45. **Чаиркина Н.М.** Торфяниковые памятники Зауралья: проблемы и перспективы исследования // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 234–236. (0,2 п.л.)
46. **Чаиркина Н.М.** Энеолитические памятники Среднего Зауралья (статистический анализ) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. – Вып. 5. – С. 80–99. (1,5 п.л.)
47. **Чаиркина Н.М.,** Волков Р.Б., Морозов В.М., Святков В.Н., Чаиркин С.Е. Поселение Нижнее озеро III – новый многослойный памятник Северного Зауралья // Археологические открытия 2006 года. – М.: Наука, 2007. – С. 58. – (0,2 п.л.; авторский вклад 0,1 п.л.)
48. Чаиркин С.Е. **Чаиркина Н.М.,** Погребальные нео(?)энеолитические комплексы Зауралья // XVII Уральское археологическое совещание. Мат-лы науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). – Екатеринбург–Сургут: Магеллан, 2007. – С. 121–122. – (0,2 п.л.; авторский вклад 0,1 п.л.)
49. **Чаиркина Н.М.** Некоторые итоги и перспективы исследования торфяниково-сапропелевых отложений верхнего течения р. Конды // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Том. ун-т, 2009. – Вып. 7. – С. 179–189. – (1,0 п.л.)
50. Чаиркин С.Е., Шакаев Б.А., **Чаиркина Н.М.** Археологические исследования восточного склона Северного Урала (предварительные итоги) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Том. ун-т, 2009. – Вып. 7. – С. 168–178. – (0,7 п.л.; авторский вклад 0,3 п.л.)
51. **Чаиркина Н.М.** За семью печатями // Наука в России. – 2009. – № 6 (174). – С. 22–29. – (1,0 п.л.)
52. **Чаиркина Н.М.** Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника в 2008 г. // Археологические открытия 2008 г. – М.: Наука, 2009. – С. 386–387. – (0,1 п.л.)

53. **Чаиркина Н.М.** Древности Горбуновского торфяника // Наука Урала. – 2010. – № 22 (1026). – (0,5 п.л.)

54. **Чаиркина Н.М.** Археологическое исследование стоянки VI Разрез Горбуновского торфяника в 2007 г. // Древности Горбуновского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 140–164. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; Вып. 6). – (2,0 п.л.)

55. **Чаиркина Н.М.,** Павлова О.А., Соболева Н.А. Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника в 2009 г. // Археологические открытия за 2009 г. – М.: Академкнига, 2011. – С. 242. – (0,2 п.л.; авторский вклад 0,1 п.л.)

56. **Чаиркина Н.М.** Археологическое исследование VI Разреза Горбуновского торфяника в 1926 г. (по материалам раскопок Д.Н. Эдинга) // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 685–708. – (1,5 п.л.)

57. Шорин А.Ф., **Чаиркина Н.М.,** Широков В.Н. Исследования по проекту «Истоки культурного наследия древнего населения Урала» // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 118–124. – (0,6 п.л.; авторский вклад 0,2 п.л.)

58. **Чаиркина Н.М.,** Широков В.Н., Шорин А.Ф. Урал в контексте древнего историко-культурного наследия Северной Евразии // Стратегия и практика исследовательского поиска в отечественной истории: региональный аспект. Мат-лы к науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012. – С. 161–169. – (0,6 п.л.; авторский вклад 0,2 п.л.)

59. **Чаиркина Н.М.,** Кузьмин Я.В., Бурр Дж. С. Хронология предметов древнего искусства из торфяниковых памятников Зауралья: новые результаты УМС (AMS) ¹⁴C датирования // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – С. 239–244. – (0,5 п.л.; авторский вклад 0,3 п.л.)

Публикации в зарубежных изданиях:

60. **Chairkina N.** Peat-bog archaeological sites of the Urals // 2-nd Annual Meeting EAA. – Riga. – 1996. – (0,1 п.л.)

61. **Chairkina N.** Transurals peatbog archaeological sites. // The newsletter of the wetland archaeology research project. – University of Exeter (England), 1999. – № 26. – P. 6–9. – (0,3 п.л.)

62. **Chairkina N.** The dates of the Shigirsky wooden Idol // The newsletter of the wetland archaeology research project University of Exeter (England), 2000. – № 27. – P. 14. – (0,1 п.л.)

63. **Chairkina N.** Review of wetland sites of the Urals // The newsletter of the wetland archaeology research project University of Exeter (England). – 2002. – № 4. – P. 9. – (0,1 п.л.)

64. **Chairkina N., Kosinskaia L.** Early Hunter-Gatherer Ceramics in the Ural and Western Siberia // Ceramics before farming: the dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers / Peter Jordan, Marek Zvelibit, editors. – Publications of the Institute of Archaeology, University College London, 2009. – P. 209–235. – (1,5 п.л.; авторский вклад 0,7 п.л.)

Публикации тезисов докладов:

65. **Чаиркина Н.М.** Среднее Зауралье в эпоху энеолита (культурно-генетический аспект) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тез. докл. XII Уральского археологического совещания / Ин-т истории и археологии УрО РАН, Урал. Гос. ун-т. – Екатеринбург, 1993. – С. 216–217. – (0,1 п.л.)

66. **Чаиркина Н.М.** Зауральско-североказахстанская КИО // XII Уральское археологическое совещание. Тез. докл. – Ижевск, 1996. – С. 117–119. – (0,2 п.л.)

67. **Чаиркина Н.М.** Торфяниково-сапропелевые памятники Урала // Урал в прошлом и настоящем. Мат-лы науч. конф. – Екатеринбург: НИСО УрО РАН, БКИ, 1998. – Ч. 1. – С. 120–123. – (0,2 п.л.)

68. **Чаиркина Н.М.** Торфяниковые памятники Зауралья // Северный археологический конгресс. Тез. докл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 278–279. – (0,1 п.л.)

69. **Чаиркина Н.М.** Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. Мат-лы междунар. конф. – СПб.: ИИМК, МАЭ, 2009. – С. 179–181. – (0,2 п.л.)

70. Шорин А.Ф., **Чаиркина Н.М.**, Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Археологическое наследие Свердловской области: изучение, проблемы сохранения и использования в социальной практике // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика: мат-лы Всерос. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во АМБ; ИИиА УрО РАН, 2010. – С. 19–26. – (0,7 п.л.; авторский вклад 0,2 п.л.)

Учебное пособие:

71. Богоявленский Л.С., Маковский В.И., Мамаева Л.К., Милицина О.Л., Носаль А.П., Панова Н.К., Прокин В.А., Успин А.А., Федоров Ю.С., **Чаиркина Н.М.** Мир болот: учеб. пособие / Под общей редакцией проф., д-ра техн. наук А.М. Черняева. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 176 с.: ил. (10,2 п.л.; авторский вклад 1,0 п.л.)

Подписано в печать _____. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Усл.печ. л. ____

Тираж 130 экз. Заказ № _____.

Отпечатано в типографии _____